

ПОЛГОДА ВОЙНЫ: ИРАН И ОМАН ПЕРЕХВАТЫВАЮТ ОРМУЗСКУЮ ПОВЕСТКУ, А ВАШИНГТОН ОТКРЫВАЕТ ФРОНТ ФИНАНСОВОГО УДУШЕНИЯ

Конфликт США и Израиля с Ираном 28 августа перешёл символический рубеж – шесть месяцев с момента начала войны, и три ключевых сюжета этой недели показывают, что стороны выбирают принципиально разные инструменты давления. Тегеран и Маскат договорились о временном морском коридоре через Ормузский пролив в обход прямого участия Вашингтона, а Корпус стражей исламской революции (КСИР) демонстративно заявил о полном контроле над проливом – жест, призванный лишить президента США Дональда Трампа монополии на нарратив об «открытом» Ормузе. Одновременно министерство финансов США развернуло кампанию «экономического удушения» Ирана, впервые ударив по банку третьей страны – эмиратскому подразделению египетского Banque Misr. Параллельно регион пережил ещё две тектонические подвижки: Сирия официально вышла из списка государств-спонсоров терроризма, а Ливан подошёл к жёсткому рубежу 31 августа, когда армия должна представить план разоружения «Хезболлы». Совокупность этих событий говорит о том, что война вступает в фазу нормализации через истощение, где военные удары продолжаются, но главным полем битвы всё быстрее становится финансовая система и дипломатия малых уступок.

Общий контекст и атмосфера недели

К концу августа регион живёт в состоянии, которое можно назвать «усталой войной»: боевые действия между США/Израилем и Ираном не прекращались с 28 февраля, но их интенсивность и символическое значение постепенно смещаются от разовых ударов к вопросам управления инфраструктурой и финансовыми потоками. Ещё в начале августа стороны обменивались сериями ночных ударов: Соединённые Штаты нанесли уже седьмую подряд серию ударов по объектам в Джаске, Сирике, Бушере, Бендер-Аббасе, на острове Кешм, в Ахвазе и Йезде, а Иран отвечал ракетными пусками и атаками КСИР по американским базам и катерам в Заливе. К третьей декаде месяца риторическая температура не спала: экс-глава израильского Моссада 27 августа заявил, что у Израиля «нет иного выбора, кроме продолжения ударов по Ирану, пока не падёт режим», – но практическая динамика начала смещаться в сторону переговорного и санкционного трека. Символическим маркером усталости стала замена авианосца USS Abraham Lincoln, находившегося на боевом дежурстве в регионе более 250 суток, на USS George Washington: сообщения о снижении морального духа экипажа и обеспокоенность семей военнослужащих вынудили Пентагон произвести ротацию, несмотря на публичные опровержения Трампа.

Качественное отличие текущей недели от предшествующих – это оформление новой архитектуры конфликта сразу в трёх плоскостях: морская логистика (Иран и Оман форсируют создание альтернативного, не завязанного на Вашингтон, коридора через Ормуз), финансы (Минфин США переходит от точечных санкций к атакам на банки третьих стран) и региональная перестройка (Сирия выходит из изоляции, Ливан приближается к развязке по «Хезболле», Израиль официально входит в электораль-

ный цикл). При этом ни один из этих треков не приближает окончание войны – скорее, они формируют новую, более сложную «норму» длительного противостояния.

Политическая динамика и геополитика

Центральным политическим сюжетом недели остаётся спор о том, кто на самом деле управляет Ормузским проливом. 25–26 августа Иран и Оман объявили о согласовании «поэтапной рамки» временного судоходного коридора, включающей совместные работы по разминированию пролива; по словам замглавы иранского МИД Кязема Гарибабади, стороны согласовали географические координаты маршрута, который частично пройдёт через иранские территориальные воды, – отход от десятилетиями действовавшей системы, при которой коммерческое судоходство шло преимущественно через оманские воды. Иран, однако, подчеркнул, что достижение договорённости с Оманом само по себе не означает автоматического открытия пролива: Тегеран по-прежнему требует уступок от Вашингтона в рамках рамочного меморандума от 17 июня, который к настоящему моменту фактически утратил силу. Официальный Маскат, известный ролью нейтрального посредника, пока не подтвердил, что намерен разделить с Ираном управление проливом, ограничившись сообщением о «скором объявлении» коридора и планами постоянного решения в будущем.

Реакция Вашингтона на эти манёвры была демонстративно пренебрежительной: президент Трамп продолжал настаивать, что пролив «открыт» и находится «под полным контролем» США, утверждая, что мины извлечены или обезврежены, а морская блокада действует «в полную силу». 17 августа он выступил с прямой угрозой в адрес Омана, заявив, что нанесёт удар по стране, если та «встанет на пути» американских усилий в проливе, – беспрецедентный по резкости выпад в адрес традиционного посредника и союзника США в регионе. 29 августа КСИР ответил на этот нарратив собственным публичным заявлением о «твёрдом контроле» над Ормузским проливом, обвинив американское руководство в распространении ложных сведений о состоянии пролива с целью влияния на цены на нефть. Формируется парадоксальная ситуация: обе стороны конфликта одновременно заявляют о полном контроле над одним и тем же проливом, тогда как реальный трафик судов остаётся на уровне 3–8 судов в сутки против 120–130 в довоенный период – то есть подавляющая часть нормального объёма судоходства по-прежнему отсутствует.

Ещё один значимый политический сдвиг – **окончательный выход Сирии из международной изоляции**. 25 августа Минфин США объявил об исключении Сирии из списка государств-спонсоров терроризма – решении, которое президент Ахмед аш-Шараа назвал избавлением страны от «мрачного клейма» и «болезненной главы» прошлого, поблагодарив лично Трампа. Одновременно курдские Сирийские демократические силы объявили о роспуске как независимого военного формирования в рамках соглашения, признающего права курдского населения, – шаг к интеграции курдских структур в состав новой сирийской армии. На этом фоне обостряются трения между Израилем и Турцией вокруг Сирии: Анкара, стремящаяся укрепить протурецкую суннитскую ось в противовес Израилю, наращивает помощь Дамаску в реформировании силовых структур, тогда как Израиль в течение месяца наносил удары по северным районам Сирии, а часть аналитиков в Иерусалиме прямо указывает на то, что Нетаньяху разжигает напряжённость с Дамаском и Анкарой в электоральных целях.

Собственно электоральный цикл в Израиле формально стартовал: коалиция Нетаньяху ранее подтвердила дату выборов – 27 октября, последний срок, допустимый законом, что делает нынешнее правительство первым за полвека, отработавшим полный созывной срок Кнессета. Голосование станет первым после атаки 7 октября 2023 года и позволит израильтянам вынести вердикт премьеру, который выстраивает кампанию вокруг темы национальной безопасности, но чей образ «главного защитника», как полагают аналитики, пострадал от того, что война с Ираном не принесла ожидаемой обществом решительной победы. Опросы фиксируют, что оппозиционный блок во главе с Гади Айзенкотом обходит коалицию Нетаньяху, хотя устойчивого большинства пока не имеет ни одна из сторон.

На фоне выборов Газа демонстрирует, что режим прекращения огня остаётся хрупким на практике: за выходные 22–23 августа в результате израильских ударов погибли 26 палестинцев, а 26–27 августа ЦАХАЛ продолжал точечные ликвидации фигур, которых причисляет к командирам ХАМАС в Хан-Юнисе и Газа-Сити, обосновывая это «систематическими нарушениями» перемирия с их стороны. Высокий представитель «Совета мира» – структуры, курирующей план Трампа по Газе, – публично раскритиковал Израиль за продолжающиеся удары и предупредил, что альтернативой американскому плану станет «следующая война»; по его оценке, ситуация вокруг перемирия приближается к «точке невозврата». Параллельно спецпосланник Трампа Джаред Кушнер провёл многочасовую встречу с Нетаньяху, добиваясь от него не создавать препятствий для реализации плана.

Военно-политическая обстановка и безопасность

Военная динамика недели развивалась в логике «затухающей, но не прекращающейся» войны. К середине августа CENTCOM провёл уже седьмую подряд серию ночных ударов по иранским объектам – от систем наблюдения и логистических узлов до подземных складов вооружений и морских средств КСИР, – что подтверждает: несмотря на разговоры о переговорах, военный трек не свёрнут. В Тегеране это воспринимается через призму преемственности власти: после гибели Али Хаменеи в феврале верховным лидером стал Моджтаба Хаменеи, чьи портреты на билбордах в иранской столице стали одним из символов недели – знак того, что смена власти закрепились и не вызывает видимой внутренней турбулентности.

Красное море остаётся вторым, синхронизированным с Ормузом фронтом морской блокады. После срыва действовавшего с 2022 года перемирия между йеменскими хуситами и признанным международным сообществом правительством – точкой невозврата стал саудовский авиаудар 13 июля по взлётной полосе аэропорта Саны, не позволивший приземлиться иранскому самолёту с делегацией хуситов, – движение «Ансар Аллах» объявило морскую блокаду саудовского судоходства и нанесло удары по аэропорту Абха на юге Саудовской Аравии. 11–12 августа хуситы нанесли двойной ракетный удар по египетскому судну *Tihamah* (под танзанийским флагом) в Баб-эль-Мандебском проливе: погибли шесть человек, ещё десять получили ранения – это первые жертвы среди моряков от атак хуситов с начала войны США и Израиля против Ирана. Отдельно поступали сообщения об обстреле контейнеровоза, пытавшегося прорвать американскую блокаду иранских портов в Оманском заливе, с ответным огнём сил США. Совокупность этих эпизодов подтверждает: конфликт давно перестал быть

двусторонним американо-иранским противостоянием и превратился в сеть параллельных морских блокад, затрагивающих минимум три критических узких места мировой торговли одновременно.

Курдское направление добавило региону ещё один очаг напряжённости: премьер-министр правительства Иракского Курдистана Масрур Барзани обвинил Иран в организации дроновых атак на его офис и резиденцию главы курдской разведслужбы «Парастин»; Тегеран отверг обвинения, назвав инцидент возможной операцией под чужим флагом. Случай примечателен тем, что впервые за долгое время появляется прямое подозрение в иранском ударе не по цели, связанной с США или Израилем, а по внутрииракской курдской власти, – сигнал того, что Тегеран, испытывающий давление на нескольких фронтах одновременно, не исключает точечного силового давления и на соседей, формально не являющихся стороной конфликта.

На ливанском направлении неделя подводит стороны к формальному дедлайну: правительство Ливана поручило Ливанским вооружённым силам представить план полного разоружения «Хезболлы» к 31 августа – дате, которая также совпадает с истечением очередного, по решению Совбеза ООН последнего, продления мандата Временных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ), которые должны полностью свернуть миссию до конца 2027 года. «Хезболла» по-прежнему демонстративно отвергает разоружение, называя любые подобные требования неприемлемыми, тогда как ЦАХАЛ продолжает удары по позициям движения на юге Ливана, не давая деэскалации на этом направлении обрести устойчивость. Показательно, что нарушение обязательств Ливаном грозит ему экономическими санкциями и заморозкой американской военной помощи, тогда как нарушение со стороны Израиля предусматривает лишь порицание Совбеза и пересмотр механизмов военной координации с США – асимметрия, которая, как полагают некоторые наблюдатели, объективно снижает стимулы Израиля к полному соблюдению обязательств.

Геоэкономика и экономическая ситуация

Нефтяной рынок к концу августа демонстрирует картину частичной, но неполной стабилизации на повышенном уровне цен. К 28 августа Brent торговалась в районе 88–89 долл. за баррель, откатившись от локальных максимумов близ 90 долл., достигнутых на пиках эскалации в первой половине месяца, но оставаясь заметно выше довоенного уровня (около 70 долл. на конец февраля). По оценке Goldman Sachs, экспорт нефти из Персидского залива восстановился до 15–16 млн баррелей в сутки – примерно две трети от довоенных 22–24 млн баррелей, но существенно выше мартовского минимума в 5–6 млн баррелей, зафиксированного в разгар первой фазы блокады. Управление энергетической информации США (EIA) не ожидает возврата добычи на Ближнем Востоке к довоенным уровням ранее начала 2027 года, прогнозируя среднюю цену Brent в 2026 году на уровне около 87 долл. за баррель – то есть рынок закладывает длительное сохранение «премии за риск», даже если острая фаза боевых действий пойдёт на спад.

Главным геоэкономическим событием недели стал переход Минфина США от точечных санкций к системной кампании «экономического удушения» Ирана. 28 августа, когда война формально достигла отметки в шесть месяцев, министерство финансов США предложило меру, лишаящую эмиратские подразделения египетского Banque

Misr – второго по величине банка Египта – доступа к корреспондентским счетам в американской финансовой системе; по данным Минфина, через эти подразделения за два года прошло порядка 1,8 млрд долл. в интересах примерно ста компаний, потенциально связанных с теневой банковской сетью Ирана. В тот же день санкции получили менеджер дубайского отделения иранского Bank Melli и гонконгская компания, обвинённая в отмывании средств для санкционированной иранской обменной конторы. Иран назвал эти шаги «государственным терроризмом» и заявил, что третьи страны юридически не обязаны их исполнять, – впрочем, на практике санкции против доступа к доллару и корреспондентским счетам в США крайне трудно игнорировать даже тем финансовым институтам, которые формально базируются вне американской юрисдикции. Показательно, что кампания получила публичное имя от главы Минфина США Скотта Бессента и нацелена не только на очевидных партнёров Ирана, но и на союзников США – Египет и ОАЭ, – сигнал того, что Вашингтон готов принимать репутационные издержки в отношениях с партнёрами ради изоляции Тегерана. На следующей неделе Бессент намерен использовать встречу министров финансов «Группы двадцати», чтобы добиться более широкой международной поддержки этой кампании, включая намёки на возможность санкций против китайских финансовых структур, учитывая, что Китай остаётся крупнейшим покупателем иранской нефти даже в условиях блокады.

Параллельно позитивным сигналом для рынка стало объявленное 25–26 августа соглашение Ирана и Омана о рамках временного коридора и работах по разминированию Ормузского пролива – именно эта новость, наряду с общим восприятием конфликта как всё более санкционного, а не связанного с непосредственной угрозой физическим поставкам, объясняет откат Brent от пиковых значений в последнюю неделю месяца. Тем не менее сохраняется значительная неопределённость: администрация Трампа, по данным источников, не намерена возвращаться к условиям июньского меморандума, лежавшего в основе предыдущей попытки урегулирования, а значит, юридическая база для полноценного открытия пролива для всех типов судов по-прежнему отсутствует.

Для сирийской экономики неделя принесла принципиальное изменение горизонта: снятие статуса государства-спонсора терроризма открывает стране путь к полноценному возвращению в глобальную финансовую систему и, по формулировке Минфина США, призвано «стимулировать дополнительные инвестиции» в политическую и экономическую стабилизацию Сирии – при том, что Вашингтон подчеркнул сохранение готовности привлекать к ответственности отдельных недобросовестных участников внутри страны, то есть снятие санкций не означает безусловного доверия к новому руководству Дамаска.

Перекрёстный анализ

Первый узел – конкуренция нарративов о контроле над Ормузским проливом как форма гибридной войны за восприятие рынка. И Вашингтон («пролив открыт, мины извлечены, блокада работает»), и Тегеран («КСИР твёрдо контролирует пролив, США искажают реальность ради влияния на цены») одновременно транслируют взаимоисключающие версии реальности, тогда как фактический трафик судов остаётся на уровне 5–7% от довоенного. Это означает, что информационная война о статусе пролива стала самостоятельным инструментом воздействия на нефтяной рынок, независи-

мым от реальной физической ситуации: цена барреля реагирует не только на удары и переговоры, но и на то, чья версия событий доминирует в конкретный момент в медиа-пространстве.

Второй узел – смещение основного инструмента давления США на Иран из военной в финансовую плоскость, причём ценой этого смещения становится готовность бить по партнёрам и союзникам (Египет, ОАЭ), а не только по прямым противникам. Санкции против эмиратского подразделения Banque Misr показывают, что кампания «экономического удушения» не разделяет «своих» и «чужих» в той степени, в какой это делала прежняя санкционная политика, – а значит, риски вторичных санкций теперь распространяются на куда более широкий круг региональных финансовых игроков, потенциально подталкивая часть из них к поиску альтернативных каналов расчётов (в том числе в юанях или через бартерные схемы), что структурно выгодно тем странам, включая Россию и Китай, которые давно выстраивают подобную инфраструктуру.

Третий узел – синхронизация трёх параллельных процессов региональной перестройки: нормализация статуса Сирии, приближение развязки по разоружению «Хезболлы» в Ливане и вступление Израиля в электоральный цикл. Все три процесса завязаны на фигуру Трампа и его посредников (Джаред Кушнер, спецпосланник по Сирии и Ираку Томас Баррак): успех или провал каждого из них будет использован внутриполитическими игроками в Иерусалиме, Дамаске и Бейруте как аргумент за или против дальнейшего сотрудничества с Вашингтоном, а исход выборов в Израиле 27 октября способен как ускорить, так и полностью обнулить достигнутые договорённости по Ливану и Сирии, если к власти придёт коалиция с иной внешнеполитической повесткой.

Краткосрочный прогноз (горизонт 1–2 недели)

Базовый сценарий (наиболее вероятный, около 50%): военные удары CENTCOM и КСИР продолжаются в приглушённом, не эскалационном режиме; переговоры Иран–Оман по временному коридору переходят из рамочной в операционную стадию, но реальное открытие пролива для всех типов судов откладывается на неопределённый срок; санкционная кампания Минфина США расширяется на новые финансовые институты по итогам встречи «Группы двадцати»; Brent удерживается в коридоре 82–92 долл.; Ливан формально представляет план разоружения «Хезболлы» к 31 августа без немедленного военного столкновения внутри страны. *Индикаторы:* официальный запуск временного коридора Ормуза с фиксацией дат; отсутствие новых санкций против китайских банков в течение 1–2 недель; отсутствие прямых боестолкновений между Ливанскими вооружёнными силами и «Хезболлой».

Альтернативный сценарий А (эскалационный, около 25%): переговоры Иран–Оман срываются из-за отказа Тегерана снижать требования к Вашингтону или из-за нового инцидента с иранским минированием; хуситы наносят новый смертоносный удар по судну в Баб-эль-Мандебе, форсируя эскалацию на втором фронте; Минфин США переходит к санкциям против китайских финансовых институтов, вызывая резкий ответ Пекина. *Индикаторы:* заявление Ирана о выходе из переговоров с Оманом; новые жертвы среди экипажей судов в Баб-эль-Мандебе; объявление санкций против банков или компаний из КНР.

Альтернативный сценарий Б (частичная деэскалация, около 25%):

достигнутый Ираном и Оманом коридор фактически заработает раньше срока под давлением экономической усталости всех сторон; Вашингтон смягчает риторику по мере приближения выборов в Израиле и переговоров «Группы двадцати»; параллельно Ливан и «Хезболла» находят формулу отсрочки жёсткой конфронтации вокруг разоружения без формального срыва плана. *Индикаторы:* фактический рост трафика через Ормуз выше 20–30 судов в сутки; заявление Ливана об отсрочке или поэтапном смягчении требований к «Хезболле»; откат Brent ниже 80 долл.

Заключительный вывод недели

Главный вывод недели: спустя полгода после начала войны конфликт между США и Ираном перестаёт быть исключительно военным и всё быстрее превращается в состязание параллельных инфраструктур – морской (кто реально управляет Ормузом), финансовой (кто способен изолировать оппонента от глобальной системы расчётов) и дипломатической (кто выстраивает более широкую сеть региональных договорённостей). При этом ни военные удары, ни санкции, ни переговоры Иран–Оман по отдельности не приближают формальное завершение конфликта – они лишь создают новую, более многослойную норму длительного противостояния, в которой стороны учатся сосуществовать с войной, а не заканчивать её.

Главный риск ближайших недель – сочетание двух факторов: во-первых, расширение блокады Красного моря хуситами способно в любой момент добавить второй узел морского давления к уже существующему в Ормузе, резко увеличивая совокупные издержки для мировой торговли; во-вторых, санкционная кампания против финансовых институтов третьих стран рискует спровоцировать более острую реакцию со стороны Китая, если Вашингтон действительно перейдёт от намёков к практическим мерам против китайских банков, – а это уже вопрос не регионального, а глобального экономического противостояния.

Риски и возможности для России

Текущая фаза конфликта сохраняет для Москвы благоприятный экономический фон: удержание Brent выше психологического порога в 70 долл., а фактически – в коридоре 82–90 долл., продолжает поддерживать нефтегазовые доходы федерального бюджета и позволяет частично компенсировать провалы поступлений начала года. Официальная позиция российского МИД, озвученная 19 августа замминистра Георгием Борисенко, – за свободный и не облагаемый сборами проход через Ормузский пролив для всех судов – выгодно позиционирует Москву как сторонника открытой торговли в противовес американской идее платного транзита, что может усилить привлекательность России как партнёра для азиатских импортёров нефти, обеспокоенных издержками «ормузской ренты».

Вместе с тем возможности для России не безусловны. Санкционная кампания США против финансовых институтов третьих стран (случай эмиратского подразделения Banque Misr) демонстрирует растущую готовность Вашингтона наказывать союзников за операции с санкционными юрисдикциями – прецедент, который в теории может быть распространён на финансовые каналы, обслуживающие параллельно и российскую, и иранскую внешнюю торговлю, если Минфин США сочтёт это политиче-

ски целесообразным. Кроме того, чем активнее Иран теряет самостоятельный контроль над Ормузом в пользу навязываемого извне режима судоходства, тем меньше у Тегерана остаётся собственных рычагов влияния в регионе, а значит, снижается и его ценность для Москвы как партнёра, способного создавать проблемы для западного присутствия на Ближнем Востоке. Наконец, нормализация статуса Сирии и её более тесное сближение с США и Турцией потенциально сужает пространство для сохранения российского военного присутствия и влияния в этой стране в среднесрочной перспективе.